





Элеонора Гильм

# Искупление



Москва  
2022

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Г47

Художественное оформление серии  
*Юлии Девятовой*

Редактор серии *Валерия Горюнова*

**Гильм, Элеонора.**  
Г47 Искупление / Элеонора Гильм. — Москва : Эксмо,  
2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-169750-1

Аксинья Ветер, жена кузнеца, в свои двадцать четыре года пережила немало тягот, оставшись вдовой при живом муже. Она и ее близкие выживают в суровом мире, где голод и лишения забирают свои жертвы, где все смешалось — злые и добрые дела, счастье и горе. В жизнь Аксиньи вновь врывается любовь, запретная и осуждаемая всеми. К чему приведет она и сможет ли Аксинья искупить свой грех?

**УДК 821.161.1-31**  
**ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

**ISBN 978-5-04-169750-1**

© Гильм Э., 2022  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2022

## Пролог

— Мужики принесли его. — Подруга погладила плечо Аксины, глянула на нее тревожно.

Аксинья кивнула. Не нужны ей были объяснения, и так ясно, кого несли сейчас к избе мужики. На широкой сосновой доске лежал узкий сверток, замотанный в полотно белого льна — Марфа дала, не пожалела доброй ткани.

Аксинья вышла на порог и схватилась за перильце, ноги ее подгибались, горло пересохло, а перед глазами сгушалась тьма. Как посмотреть на него, как пережить, как прощения молить за содеянное...

Снявши шапки, мужики осторожно положили на стол доску с полотняным свертком. Перекрестились перед покойником, поклонились иконам. Георгий Заяц бросил сочувственный взгляд на Аксиныю, но побоялся вымолвить хоть слово — так страшен был ее вид.

— Георгий, ты скажи, как... — Она теряла слова, не понимала, как завершить страшный свой вопрос.

— Он лежал подле коровы. Рядом рога... коровьи кости, обгоревшие.

— Мучился? — зачем-то спросила Аксинья и спохватилась. Ведь и сама знала о том, как страшна смерть сгоревшего заживо человека.

Аксинья и подруга ее, Прасковья, застыли над покойником. Последнюю ночь проведет он в доме невесты своей, а потом отправится на место вечного успокоения, под бок к отцу.

Аксинья трясущейся рукой откинула белое полотно. Попрощаться с ненаглядным родичем, посмотреть последний раз на милое лицо... Саван выскользнул из ее рук, и она медленно осела на пол. Прасковья подхватила ее, потащила к лавке, протянула ковш с водой. Закопченное, темное, высохшее, оскалившееся в непристойной ухмылке лицо не похоже на родной лик, как бес не похож на ангела. Жестокий огонь исказил цветущее жизнью лицо, высушил тело, и даже привычная ко всему Аксинья не могла избавиться теперь от этого образа...

# ГЛАВА I

## СЕМЬЯ

### 1. Раздоры

Рано сгустившаяся тьма таилась за окном, шепталась с бесами, напевала колдовские заклинания. Избу освещали две лучины, вставленные в кованый поставец. Тихо поскрипывала в задней части избы люлька. Сплетенная из липовой коры, украшенная солнцем и звездами, она, по всей видимости, использовалась не первый раз. Под нарядным белым покрывалом спал младенец. Люльку качала пожилая женщина, и в полудреме не оставлявшая своего занятия. Темные волосы ее обильно украсила седина, лицо хранило следы давней красоты и больших печалей.

Под люлькой растянулся черный кот, нахально растопырив лапы. Сидящий рядом мальчуган крутил тряпичную куклу, пытаясь оторвать голову в нарядном красном платке.

— Васька, отдай куклу. Не для тебя делана, — подняла голову от шитья молодуха. Не старше двадцати лет, ладно скроенная, с пучком темно-русых волос и тихим голосом, всем была бы она хороша, кабы не темное пят-

но, обезобразившее милое лицо. И ласковый взгляд болотно-зеленых глаз, брошенных на сына, и чуть вздернутый нос терялись под наказанием Божиим, портившим природную красу.

— Пусть побалуется, Софья, мал совсем. Я новую тряпичницу смастерю, — сказала темноволосая женщина, лицо которой пряталось в тени. Она рассыпала на дощатом столе засохшие стебли и листья трав и перетира-ла их в труху.

— Мой сын, мне знать лучше, что ему делать дозволено, а что нет. — Софья возразила все тем же тихим голо-сом, но сын ее вскинул испуганный взгляд.

— Исяаа... ись.

— Есть хочешь, Васенька. — Темноволосая женщина ссыпала последнюю горстку травы в мешок и встала из-за стола. — Сейчас каши поедим.

Легким движением она вытащила из печки небольшо-й чугунок и стала соскребать остатки со стенок. Те-перь стало видно, что она молода, немногим старше Со-фьи. На узком лице горели темные глаза, чуть вытянутые к уголкам. Они выдавали инородческую кровь, текущую в ней. Темные волосы чуть пушились на висках, выбив-шись из косы. Ладная фигура, небольшие руки выделяли ее среди крестьянок, обычно пышных и ширококостных.

— Аксинья, отдай моего сына. — Софья выдернула у темноволосой молодухи ложку, принялась кормить сы-на сама, ударив его деревянной ложкой по губе. Васька разнюнился.

— Сусанка твоя как на дрожжах растет на молоке. Чужих детенышей молоком кормишь... А мой Васька пусть кашей давится! — Софья звенела раздражением и даже имя Аксиныной дочки не выговорила, а выплюнула в лицо.

Кто ж виноват, что крестили младенца в день поминовения Сусанны Солинской<sup>1</sup>. Редкое оно, чудно звучит. Во всей округе не сыскать женки с таким именем. Аксиныя звала дочку Нютой — в честь матери, но полное имя не забывала.

— Васька старше, уж отнят от груди, ему и каша согдится. — Аксиныя оттеснила невестку, ласково зашептала что-то крикуну. Она улыбнулась своим мыслям и засунула ложку с кашей в Васькин разверстый рот. Мальчонка охотно проглотил рассыпчатое варево.

— Что вы ругаетесь, девоньки? — Пожилая женщина врывалась из объятий сна. — И меня разбудили.

— А как не ругаться, матушка? Голод измором нас возьмет. Или не видите, что творится?

— Софьюшка, молодая ты еще, резкая. Даст Бог, сами выживем, и дети голодными не останутся.

— Мне завтра маслица с молоком должна принести Дарья... сыпь с лица ее сошла, — проговорила Аксиныя. — Сказала, расплатится.

---

<sup>1</sup> Сусанна Салернская (Аксиныя искажает имя) — святая преподобномученица.

— Ты обещаешь, обещаешь, а толку... Не могу я тут. — Софья сорвала с крючка платок и тулуп, выскочила на улицу.

Аксинья и Анна переглянулись. Сытый Васька крутился волчком, ничуть не расстроенный выходками матери.

— Да, доченька, неладное что-то творится с Софьей.

— Она как сухое сено, любая искра — вспыхивает. Изменилась.

— Все мы стали другими, — вздохнула Анна и затащила протяжно:

Бай-бай, бай-бай!  
Спи-ко, Нюта, в зыбке старой  
На периночке пуховой.  
Бай-бай, люли, бай,  
На периночке пуховой —  
Много перья петухова...

— Спит Нютка?

— Спит. Посапывает тихонечко. Чудо-дитя, радость моя на старости лет. Ей да Васькой живу, о них молюсь и забочусь, — бормотала Анна себе под нос.

Аксинья подошла к люльке, отодвинула белое покрывало и нежно поправила одеяло. Несколько мгновений она не отрывала взгляд от крошечного носа и румяных щек.

— По сию пору поверить не могу. У меня — дочь... После стольких лет... Проснусь ночью — и вздрагиваю. Привиделось — иль правда.

— Такое счастье не привидится, — устало улынулась Анна.

— А ты кто? Что ж такое делается? — Их приглушенный разговор был прерван истошным криком Софьи.

— Да что приключилось опять? Матушка, сиди. Я посмотрю, что там Соня надрывается.

Васька оживленно крутил темной кудрявой головенкой. Отбросив в сторону тряпичную куклу, он, чуть пошатываясь на крепких ножках, пошел к двери вслед за Аксиньей.

— И тебе, внучок, любопытно. Сейчас, все узнаем, — отвечала Анна тем напевным голосом, каким обычно обращаются женщины к детям.

Аксинья в легком летнике<sup>1</sup> вышла на крыльцо. Возмущенная Софья уставилась на ребенка, закутанного в тряпье. Сверкали испугом темные глаза, все остальное спрятано было под тряпками.

— Ты смотри! Стоит и ответить не может. Немой, что ль? Что молчишь, будто в рот водицы набрал? Ну-ка говори! — Софья опять перешла на крик.

— Когда-то Мышкой я тебя звала... Ошибалась, ты будто собака... Лаешь, лаешь...

— Что?

---

<sup>1</sup> Летник — женская легкая верхняя одежда крестьянского покроя с длинными широкими рукавами.

— Пошли в дом. И ребенка веди. Отогреется, может, скажет словечко. — Аксинья погладила плечико ребенка и отворила дверь.

Нежданный гость шмыгнул в избу и прижался к теплomu боку печки, будто к матери родной. Сгорбившись, он сел на пол, обнял колени, бесприютным зверенышем смотрел на женщин.

— Аки! — радостно завопил Васька, следом из колыбели донесся писк. Возня и шум разбудили младенца.

— Ах ты, Нютка-прибаутка. Голодная? Сейчас-сейчас.

Анна вытащила девчущку из люльки и подала Аксинье. Скинув летник и расшнуровав рубаху, та вытащила полную грудь с синими прожилками и подвинула темноволосую головку дочки к набухшему соску. Софья с осуждением взглянула на золовку, хотела что-то сказать, но ласковый голос Аксиньи, обращенный к найденышу, перебил гневливые слова:

— Ты не бойся, не обидим тебя. Чей ты, что на крыльце нашем делал? — Ребенок не отвечал. С открытым ртом он смотрел на Аксинью, ее белую грудь и умиротворенное лицо.

— Ишь как смотрит. Тоже, поди, присосаться хочет. — Софье не давал покоя ребенок.

Найденыш скинул с головы дырявую тряпицу, что заменяла платок. Мальчик лет десяти, тощий до изнеможения, с тонкой шеей, он казался забитым и голодным. На голове колтун темных волос, не знавших гребешка. Под

черными глазами наливались синяки. Темные ресницы, искусанные губы, грязная шея.

— Кто ты, мальчуган? — Аксинья улыбнулась дочке, засунула сосок в маленькие розовые уста. Нюта выплюнула его. — Наелась, зайныка? Пора баиньки.

— Г-г-гр-ря... — Мальчик не отрывал взор от ворковавшей Аксиньи. — Г-г-р-ряз-з-ной.

— Грязной? Прозвище твое. А имя?

— Г-г-р-ряз-з-ной. Грязной. Грязной, — твердил мальчонка, и страх копился в его взгляде, сотрясал тело мелкой дрожью.

— Ничего он нам не скажет. Устал, продрог, измучился. Софья, принеси подушку на лавку да тряпки накрыться. — Невестка подчинилась Анне, но всем видом показывала, что не рада привечать отребье в доме.

Скоро погасили лучину, и все обитатели избы погрузились в счастливый мир сна. Незванный гость ворочался на лавке, иногда всхлипывал, и губы его шевелились.

Утреннее солнце еще не поцеловало запечатанные льдом окна, когда бабы начали обычные хлопоты по хозяйству: затопить печь, наварить похлебки отощавшей скотине, почистить двор, замесить тесто... Каждая занималась своим делом. Найденыш крутился под ногами, пытался помочь, хватал бадью с водой, Софья на него шикнула, Аксинья в утренней суете не обращала внимания, он, не найдя ничего лучше, подсел к Ваське и принялся мастерить ему что-то из березового полешка.

— Ты бери лопату да помогай мне двор чистить. А к сынку моему не лезь. Вшей, поди, полная башка. — Софья заметила безделье мальчишки, и тот молча принялся натягивать свое тряпье.

— Как ты в рванине такой ходишь? — Анна покачала головой. Худосочные колени, локти торчали сквозь обильные прорехи Грязного. — Софья, дай ему Федину одежду. Велика будет — не страшно. Посмотри-ка на дне, его детские вещи я схоронила.

— Мужнину одежду этакому оборванцу давать, — пробурчала та, но пошла в клеть и загромычала крышкой сундука. Вытащила целый ворох тряпья, кинула что-то мальчику, и тот быстро облачился в новое. Будто справнее и светлее стал в новых портах, белой рубахе с заплатками и потрепанном, но прочном зипуне.

— Чей ты будешь? Кто родители твои? — Весь день Аксинья и Анна пытались пробиться сквозь молчание, сковавшее язык мальцу, но узнать более ничего не смогли. Он хранил свои секреты. Или попросту был слабоумен.

Бабы оставили его в покое. Не хочет рассказывать правду, так кто ж заставит его?

— Малец работает на совесть, — одобрила Анна склонившегося над миской Грязного. — Весь двор расчистил, до досок доскреб. Ешь, парень. На здоровье.

Скудный обед поделен был поровну, каша, заправленная каплей масла, исчезла в тарелке мальчугана за мгновение.

— Оголодал, бедолага, — светло улыбнулась Акси-  
нья.

Софья молчала и сушила брови. Ее прорвало, хранить молчание она разучилась за прошедший год:

— Нам свою детвору прокормить бы. Знаю, что при-  
вечать сирых и убогих — христианский долг наш. Но не  
в такой час... бедствий.

— Выгнать нам его на мороз? Да? — Анна, вспы-  
лив, резко встала из-за стола, но охнула, схватилась за  
спину.

— А насчет головешки права невестка. — Аксинья  
подошла к Грязному и поддела всклокоченную прядь. —  
Стричь волосы будем.

— Неряха окаянный. Сами стригите найденыша свое-  
го разлюбезного. — Софья подхватила на руку Ваську и  
ушла в бабий угол: расхлебывайте, мол, сами.

— Мне не привыкать. У Фимки на голове гнездо це-  
лое было. Будто вчера стригла патлы его. Где-то бродит  
он? — вздохнула Аксинья.

Рыжий Фимка, сын бедняка Макара и Феклы, когда-  
то был наперсником Аксињи, работал на скотном дворе  
и в огороде, превратился в кого-то вроде младшего брата,  
помогал во всех делах, смешил и поддерживал...

— Помер твой Фимка давно, — и тут не умолкала Со-  
фья. — Будто не знаешь, что творится в Москве. Съели  
его литовцы да кости обсосали.

— Типун тебе на язык, невестка. Сладу нет с тобой.  
Злостью вся изошла.

— Злойбой? Легко думаете... так... Годов мало, а жизнь будто закончилась. Оксюшка сама путь выбрала потаскуший. А я... я почто страдать должна?

Женщины молчали.

Лязгали старые ржавые ножницы в руках Аксины, испуганно сопел мальчишка, темные лохмы падали на бревенчатый пол избы. Обстриженные волосы неровно торчали, закручивались, курчавились на висках.

— Как у мужа моего, покойничка, — пробормотала Анна.

— В печь все кидай, парень, чтоб и следа не осталось. — Аксиныя поддела носком домашнего чобота<sup>1</sup> волосы с белеющими гнидами. — Все от Бога.

— Не нужен нам вшивый оборванец, правда, Васенька? — не умолкала Софья.

— Невестушка, в церковь сходи, помолись. Нет покоя тебе — и нам не даешь. Угомонись. — Анна говорила размеренно, но слова ее веским камнем упали в тишину.

— Не мне грехи отмаливать надобно.

— Хочешь, чтобы повинилась я перед тобой? Винилась, и не раз. Как прощение твое заслужить? — Аксиныя ополоснула руки под умывальником.

Теперь молчала Софья. Пятно, обезобразившее лицо ее, стало еще темнее, глаза наполнились слезами, губы дрожали. Будто не она начала свару, называя золовку

---

<sup>1</sup> Чобот — сапог с коротким голенищем.

паршивыми словами. Васька подошел к матери, прижался к ее ногам, умильно улыбнулся.

— Один ты матушку свою любишь, сыночек, — расстрогалась Софья. Она взлохматила темно-русые волосы и вскрикнула. — Паскудник, сейчас получишь ты...

Грязной выскочил на улицу, на ходу успев накинуть недавнюю обнову — тулуп.

— Невелика беда. Оброс Васенок, давно говорила, стричь пора. — Свекровь попыталась вновь утихомирить невестку.

Вновь скрипели ножницы, орал Васька — разгневанная мать поцарапала ухо. Кот, спрыгнувший с полатей, наблюдал за суетой и умывался, высовывая длинный шершавый язык.

— Вернуть надо Грязного, озябнет. — Аксинья качала люльку и с тревогой смотрела на дверь.

Нескоро мальчишка прокрался в избу, свернулся клубочком у печки и пугливо косился на Софью. Ее он боялся, будто домовая мышь кота-охотника.

\* \* \*

Дни летели птичьей стаей, и скоро к Грязному привыкли. Он редко разговаривал, но бессловесность его не полыхала злостью или скудоумием, он был не хуже других детей, а может, в чем-то и лучше. Маленький, худой, жилистый, он справлялся со всеми возложенными обязанностями: рубил дрова, чистил снег, топил печь, кор-

мил скотину, таскал воду с реки. Аксинья недоумевала, глядячи на постреленка: откуда сила берется в маленьких его руках. Грязной стал для бабского царства Вороновых подспорьем. Но и трудолюбие его не растопило сердце Софьи. Она насмеялась над ним, звала Шпынь-головой и отгоняла найденыша от детей.

К возмущению Софьи, ее сын воспытал нежностью к Грязному. Неважно было Ваське, что парнишка зашуганный, молчаливый, странный, он, как и все малые дети, смотрел в нутро человеческое и чуял там доброту и мягкость. Долгими темными вечерами Грязной мастерил из бересты игрушки — коней, зайчиков и прочую живность.

— Агаси, — улыбался Васька. — Заси, вось, куся. — В противоположность другу он отличался бурливой разговорчивостью. Только ничего в словах его разобрать было невозможно. Подходя к колыбели, Васька тянул Нюте берестяные фигурки, которые сразу отправлялись нетерпеливой ручкой в рот, тщательно пробовались на вкус. Подскочивший Грязной вовремя вытаскивал из жадного рта поделки, а Васька бывал бит за проказы свои.

— Не безобразничай, подавится сестра — худо будет, — внушала ему Аксинья, но по рожице парнишки совершенно невозможно было понять, осознал ли он всю пакость своих деяний.

— Аксинья, догадываюсь я, чей Грязной. — Анна смотрела на детей, и легкая полуулыбка красила ее увядшие

губы. Скрученная нитка ловко наматывалась на веретено.

— Так чей же? — Иголка выскользнула из рук Софьи и затерялась на полу. Пока она крутила головой, Грязной иголку нашел и протянул зловредной молодухе.

— Зоркий, — похвалила Аксинья, а разговор о мальце и его родителях потух, как огонь на мокрых поленьях.

\* \* \*

Близился светлый праздник Рождества. Морозы напали на деревеньку, как тати из темного леса. Еловая — семнадцать домишек, вытянувшихся вдоль Усолки, — готовилась к светлому празднику нехотя, из последних сил. Прошедшее лето с ливнями, поздними заморозками, градом с голубиное яйцо и ненастная осень оставили полупустыми житницы. Недород ржи и ячменя — голодный скот, голодное брюхо.

Сочельник близился, а хозяйки, прежде сбивавшиеся с ног у печи, горестно разводили руками. Стол праздничный мало кто отличил бы от каждодневного: каша, горох, репа, лук да капуста. Аксинья приберегла в леднике тушку зайца, плату за знахарские услуги.

Софья в праздничных хлопотах участвовать не спешила, занятая починкой сыновьей рубахи.

— К родителям я с Васёнкой поеду, проведать хочу, внука показать.

Аксиньины брови сами собой поползли вверх, но говорить с невесткой не стала. Слово молвишь — ушатом грязи окатит.

— С кем поедешь?

— Семен с Катериной к родичам направляются, я на медни обговорила с ними.

— Добро.

Софья цвела редкой улыбкой, напевала что-то вполголоса, тормошила сына, баюкала Нютку.

— Ах ты, моя краса, — напевала она девочке, а та щурила чудно-синие глаза, смешно морщила крохотный нос и приязненно смотрела на тетку. Фебина вдова не переносила на ребенка грехи матери. И в том радость Аксинье.

Накануне светлого праздника Софья увязала вещи, подхватила на руки тяжелого уже Ваську и вышла к воротам. Аксинья с матерью их провожали, будто в долгую дорогу — а ехать-то до села Борового всего пять верст. Софья на родственниц даже не смотрела, вытягивала шею, разглядывала, выехал ли со двора Семен Петух. Скоро старые сани остановились перед избой, Семен помог молодухе взобраться на седелку, подкинул Ваську, остановился у ворот:

— А вы к родичам не едете? А, Аксинья? — Светлорусая прядь скользнула на лоб, и он отбросил ее, сбив шапку с плешивой беличьей оторочкой на затылок. — Почто дома остаетесь?